

В вышедшей в 2022 г. книге известного британского историка Д. Ливена «В тени богов. Император в мировой истории» феномен императорской власти рассматривается с древнейших времён до самого недавнего прошлого. Подобный размах, конечно же, сделал работу, опирающуюся на солидный источниковый и историографический фундамент, во многом просветительской и популярной. Тем не менее российских исследователей несомненно заинтересуют как её общие подходы и принципы, так и освещение в ней сюжетов, связанных с отечественной историей.

В первой главе, названной «Быть императором» (*«Being an Emperor»*) и поясняющей авторскую концепцию, Ливен указывает, что его «книга не столько об империях, сколько о людях, которые ими правили» (р. 1). При этом, создавая их коллективный портрет, учёный не конструирует некую модель и не сводит всё к обобщающим тенденциям, а разбирает конкретные случаи, отражающие сложность изучаемого явления. По сути, он интуитивно сближается тут с историософией о. Павла Флоренского, относившего историю к «наукам идиографическим», иначе говоря, «описывающим единичное»¹.

В то же время Ливен почти ничего не пишет о слишком нетипичных, по его мнению, императорах.

Таковыми он, в частности, считает основателей династий, которым требовались совсем иные качества, нежели их наследникам (р. 12). Любопытно, что если для М. Вебера и его последователей личная харизма всегда составляла неотъемлемую часть образа монарха, а Э. Канторович, создатель имагологии королевской власти, писал даже о «криптотеологическом языке» в поведении коронованных особ², то Д. Ливен утверждает, будто ярко выраженная индивидуальность, свойственная всем харизматикам, помогает лишь тем, кто сам вовлечён в политическую борьбу и в ней добывает и обеспечивает свой статус, тогда как призванным изначально, от рождения, стоять «над схваткой», сохраняя общий баланс, она способна только мешать (р. 11–12). Очевидно, столь спорное суждение нуждается в развёрнутой аргументации. Но автор ограничивается лишь отсылкой к веберовскому же противопоставлению харизматического правления и власти, укоренённой в древних традициях, институтах и иерархии, а также удачными, как ему кажется, примерами Людовика XIII и Вильгельма I, находившихся в известной мере в тени своих первых министров.

Воспринимая подобное положение монарха как эталон, Ливен явно недооценивает угрозу перетягивания и даже «перехвата» полномочий

* Lieven D. In the Shadow of the Gods: The Emperor in World History. N.Y.: Viking, 2022. 528 p.

Материал подготовлен при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

и функций правителя его советниками и министрами, осознанную ещё Н. Макиавелли и постоянно тревожившую российских самодержцев второй половины XIX — начала XX в. Возможно, при анализе данной проблемы следовало бы учесть «Разговор о власти и о доступе к властителю» К. Шмитта³ и даже более ранние размышления о том же М.М. Сперанского⁴. Во всяком случае, если лидерство императоров — «ключевая, объединяющая тема» книги (р. 3), то степень самостоятельности лидера нельзя не признать одним из наиболее значимых её аспектов. Собственно, и Ливен констатирует, что «управление придворными и системой патронажа было одной из самых важных и деликатных задач правителя» (р. 37). Однако о роли двора и непосредственного окружения монархов в книге говорится гораздо меньше, чем, например, о земельной аристократии⁵. Именно в ней автор видит ближайшего и наиболее надёжного союзника «успешных империй» (р. 35).

Внимание Ливена сосредоточено преимущественно на династической преемственности, процедурах наследования, особенностях «семейной политики» (включая влияние женщин). Он соглашается с выводами современного исследователя Э. Блэка о соответствии идеала «священной наследственной монархии» принципам «традиционного политического мышления», которое, как отмечает Ливен, до Нового времени «было почти подразделом теологии» (р. 19). Здесь вновь поневоле вспоминаются идеи «политической теологии» Шмитта (как и полемика с ними в 1930-е гг. Э. Петерсона⁶), но автор почему-то обходит их стороной.

Ливен исходит из того, что империи объединялись прежде всего «какой-то великой универсальной религией или великолепной цивили-

зацией», а устойчивость «имперского правления» во многом зависела от прочности насаждавшихся им «верований, ценностей и культуры» (р. 31–32). Более того, порою «империю нужно не только определять словами, но и видеть, чувствовать и воображать». Автор убеждён, что «сущность империи лучше всего ощущается, когда сидишь в Стамбуле с видом на Золотой Рог или стоишь на ступенях Храма неба в Пекине, где китайские императоры совершали свои великие ежегодные жертвоприношения». В какой-то мере и обилие в тексте биографических деталей объясняется тем, что подобный приём «задействует эмпатию, воображение и чувства так, как никогда не сможет это сделать анализ политических структур» (р. 25). Эстетические и чувственные мотивы буквально пронизывают книгу, в ней то и дело встречаются меткие замечания в леонтьевском, если не розановском, духе, например, о «мощной сексуальной привлекательности военных мундиров», усиливавшейся по мере того, как европейский костюм становился в XIX в. всё более утилитарным (р. 35), и т.п. Волнуют автора и более сложные, почти неразрешимые в научном исследовании вопросы. Так, он спрашивает себя: «Был ли политеизм в его китайском варианте изначально лучше приспособлен для управления и выживания империи, чем монотеизм?» (р. 29).

Историю Российской империи Ливен начинает не с окончания Северной войны, когда данное название получило широкое употребление, а с XVI в. Подобная датировка, обычная для западной историографии, в последнее время всё чаще используется и отечественными исследователями⁷. Разумеется, в обзорной работе автор мог лишь бегло охарактеризовать институциональные преобразования XVIII–XIX вв., отмечая, к примеру,

что нередко (особенно до 1718 г.) они проводились без единой программы, а в эпоху Просвещения приходилось осмотнительно выверять рамки «организуемого государством “улучшения” и гомогенизации» (р. 330–331, 338). Вместе с тем целый ряд ключевых документов, исходивших от верховной власти, практически полностью стущёвываается в авторском изложении. Среди них и петровский указ об учреждении Сената, и екатерининский Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения. Про Акт о престолонаследии и Учреждение об Императорской фамилии 1797 г. говорится лишь в связи с характеристикой особенностей психики Павла I (р. 344–345).

Александр I, по мнению Ливена, после разгрома наполеоновской Франции впал в пессимизм и «погрузился в мелочи (“nitty-gritty”) внутреннего управления» (р. 349). А ведь именно тогда царь даровал конституцию Царству Польскому, создавал военные поселения, инициировал разработку Государственной уставной грамоты. Николаю I, энергично правившему почти 30 лет, в книге посвящена всего одна страница, на которой он сравнивается с китайским императором XVIII в. Цяньлунем. Сближает же их в авторской интерпретации то, что оба не заметили наступления эпохи модернизации и тем самым обрекли свои империи на военные поражения — соответственно, в Опиумной и Крымской войнах (р. 352). Самые общие слова сказаны про Александра II, который будто бы «признавал необходимость модернизации России по западному образцу для сохранения её статуса великой державы», однако «твёрдо доверял вере своего народа в сакральную монархию и соответствующим образом выстраивал свою политическую стратегию» (р. 423). Александр III упомянут в книге всего

один раз и то вскользь (р. 431). Борьба же различных группировок вокруг престола, без понимания которой невозможно раскрыть механизм функционирования петербургского самодержавия, и вовсе не укладывается в повествование.

В столь беглом изложении Ливен словно торопится показать читателям, к чему привели попытки правителей России, вопреки вызовам Нового времени, сохранить «традиционную модель священного и абсолютного суверенитета» и одновременно трансформировать свою «успешную домодерную империю в жизнеспособное государство XX столетия» (р. 422–423).

Переходя к трагическому финалу самодержавия, историк утверждает, будто у Николая II, в отличие от его предшественников, «не было никого ни среди его министров, ни даже в петербургском высшем обществе, кого можно было бы по-настоящему назвать другом» (р. 425). Между тем хорошо известные современникам доверительные отношения императора с Д.С. Сипягиным и внучкой Николая I гр. Е.Г. Строгановой (в замужестве — Шереметевой, а потом Милашевич) свидетельствуют об ином.

Политические представления последнего российского императора, по мнению Ливена, «были укоренены в русской консервативной мысли XIX в.», которая фактически отождествляется в книге со славянофильством — «наиболее влиятельной, чуткой (“vibrant”) и потенциально популярной консервативной идеологией» того периода (р. 425). О реформистских и даже либеральных её чертах и оттенках, проявившихся как в середине XIX столетия, так и на рубеже XIX–XX вв., автор почему-то умалчивает⁸. Правда, то, что «Николай II во многом был консервативным славянофилом», не мешало ему, как и всей русской элите, оставаться

европейцем, ведь «даже славянофильство во многом имело своим источником немецкую консервативную мысль эпохи романтизма» (р. 428). Как ни странно, «наиболее интересным защитником неославянофильского видения будущего России» Ливену кажется Л.А. Тихомиров, хотя «бывшего революционера и лидера террористов, ставшего в конце 1880-х гг. правым публицистом», к последователям данного идейного течения можно причислять лишь с большой долей условности. В книге же он изображён чуть ли не главным выразителем тех убеждений, которых придерживался Николай II, тогда как даже гораздо более близкий к императору кн. В.П. Мещерский не смог добиться подобного положения.

Повышенный интерес к фигуре и взглядам Тихомирова становится понятнее, когда автор, не останавливаясь на Манифесте 17 октября и связанных с ним изменениях в политической системе Российской империи, сообщает о возникновении черносотенных партий, с которыми якобы «флиртовал» царь. Это даёт повод для размышлений о «пределах народнического (*"populist"*) монархизма», легитимности и сходстве процессов, протекавших в первые десятилетия XX в. в России и Италии. И тут Лев Александрович, с его идеями корпоративизма, оказывается созвучен доктринам фашизма⁹. Впрочем, сам Ливен недвусмысленно констатирует: «Несмотря на всю его приверженность корпоративному государству, Тихомиров не был фашистом, тем более — национал-социалистом, даже в зародыше. Он являлся охранителем, исходившим из религиозных верований, а не из расовых соображений». В этом он даже чем-то напоминает автору книги «верховного лидера» современного Ирана (р. 428). По мнению Ливена, на этой идейной почве

«элементы, схожие с итальянским фашизмом», могли появиться в России лишь в случае победы белой контрреволюции (р. 426). Возможность же союза монархии Романовых (и даже Гогенцоллернов) с радикальным популистским движением вождистского типа им полностью исключается (р. 429).

Русский царь не мог долго находиться в тени не только харизматического народного «вождя», но и собственного «визиря» или «канцлера». Неслучайно после преобразования в 1905 г. Совета министров его председатели неизменно вызывали у Николая II ревность, мешавшую им нормально работать. В результате страна получила «дыру в центре правительства», что привело к катастрофическим последствиям во время Первой мировой войны (р. 429–430). С этим наблюдением нельзя не согласиться, однако следует учесть, что напряжение между царской идеократией и высшей бюрократией, отвечавшей за прагматические функции государственного управления, нарастало по меньшей мере с середины XIX в.

В заключительной главе Ливен избыточно много говорит о современности, пускается в рискованные и далеко не очевидные сравнения Д. Трампа с молодым Вильгельмом II, проводит параллели между политикой Германии на рубеже XIX–XX вв. и действиями КНР в XXI в. и т.п. (р. 446–451). Так или иначе, книга Д. Ливена убеждает в том, что императорской власти комфортно в домодерном обществе, с наступлением Нового времени она всё чаще испытывает трудности, а когда приходит время модернизации, оказывается в состоянии кризиса, из которого уже не способна выйти, по крайней мере — в прежнем виде. Общая судьба четырёх континентальных империй, не переживших Первую мировую войну, свидетельствовала об

их несовместимости с модернизацией, несколько позже очередь дошла и до британских владений.

Примечания

¹ *Флоренский П.А., свящ.* Об историческом познании (конспект лекций) // *Флоренский П.А., свящ.* Сочинения: в 4 т. Т. 3. Ч. 2. М., 2000. С. 22.

² *Канторович Э.Х.* Два тела короля: исследование по средневековой политической теологии. М., 2015. С. 88.

³ *Schmitt C.* Gespräch über die Macht und den Zugang zum Machthaber. Pfullingen, 1954. См. также русский перевод А.Ф. Филиппова: Социологическое обозрение. Т. 6. 2007. № 2. С. 27–38.

⁴ *Сперанский М.М.* О образе правления // *Сперанский М.М.* Проекты и записки / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1961. С. 142–143.

⁵ Характерно, что при этом практически не учитываются даже популярные на Западе работы. См., в частности: *Элиас Н.* Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии, с введением: Социология и история. М., 2002.

⁶ Подробнее см.: *Яркеев А.В.* К вопросу о возможности политической теологии: Карл Шмитт полемизирует с Эриком Петерсоном //

Социологическое обозрение. Т. 21. 2022. № 2. С. 189–213.

⁷ См., в частности, изданную Институтом российской истории РАН коллективную монографию: Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. Действительно, Пётр I именовался императором ещё с 1696 г. и «особенно часто после Полтавской победы» (*Успенский Б.А.* Пётр Первый и переосмысление понятия империи // Факты и знаки: исследования по семиотике истории. Вып. 3. М.; СПб., 2014. С. 209).

⁸ Подробнее см.: *Соловьёв К.А.* Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М., 2018; *Паромов К.Я.* Политическое и церковное в мировоззрении «славянофилов» начала XX в. (А.А. Киреев, Ф.Д. Самарин, Д.Н. Шипов) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 2(69). С. 31–48.

⁹ См., в частности: *Милевский О.А.* В поисках «третьего пути»: Л.А. Тихомиров и Б. Муссолини (опыт сравнительного анализа концепций государственного строительства) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 4(37). С. 170–181.